

УДК 81'272

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-3-104-112

ПСЕВДОДИСФЕМИЯ СУДЕБНОГО ДИСКУРСА СРЕДНЕВЕКОВОГО КИТАЯ В ЗЕРКАЛЕ ЛИТЕРАТУРЫ

Филиппова И. Н., Вековищева С. Н.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Статья посвящена изучению вербальных средств передачи концептуальной картины мира в художественной литературе. Центр исследовательской проблематики составляет национально специфичное, культуроцентричное понимание правосудия.

Процедура и методы. Материалом служат основанные на реальных литературных памятниках эпохи Тан детективные повести Роберта ван Гулика о судье Ди, отражающие речевые и поведенческие стереотипы практики судопроизводства в средневековом Китае. Этнокультурная специфика концепта правосудия в изображаемых коммуникативных ситуациях значительно отличается от принятых в европейских и американской лингвокультурах. На основе произвольной выборки из эмпирической базы свыше 148 п. л. (на языке перевода) экстрагированы лексемы сниженной стилистики и отрицательные прагмемы. Семантика оценочности исследуемых единиц и их прагматическая задача эксплицируют интенцию к дисфемизации вербального и невербального протокола официального и неофициального регистра коммуникации. Методами дискурсивного, компонентного, стилистического, количественного анализа с привлечением логических операций анализа, синтеза, обобщения и абстрагирования выявлены и изучены 240 маркированных единиц: 98 вербальных репрезентантов и 142 репрезентанта невербального поведения в судебном дискурсе средневекового Китая.

Результаты. Выявленные и исследованные языковые факты и невербальные стереотипы способны оказать отрицательный коммуникативный эффект и провоцировать диссонанс в межкультурной коммуникации. Реакцию отторжения инокультурной специфики обуславливают существенные расхождения дискурсивной практики и аксиологической нормы контактирующих культур: оригинальной китайской и принимающей европейской.

Теоретическая значимость. Проведённое исследование даёт основание к выдвижению тезиса о псевдодисфемии – своеобразной национальной трансформации феномена дисфемии (в его европейском и американском понимании) в рамках лингвокультурной специфики Китая эпохи Тан.

Ключевые слова: дисфемизм, речевая стратегия, лингвокультура, концептуальная картина мира, языковая картина мира, Китай эпохи Тан, Роберт ван Гулик

PSEUDODISPHEMY OF THE JUDICIAL DISCOURSE OF MEDIEVAL CHINA IN FICTION

I. Filippova, S. Vekovishcheva

Moscow Region State University

Very Voloshinoy ulitsa 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. The research relies on Robert van Gulik's detective stories about Judge Dee based on real literary monuments of the Tang era, reflecting speech and behavioral stereotypes of judicial practice in medieval China. The ethno-cultural specificity of the concept of justice in the depicted communicative situations significantly differs from those accepted in European and American linguistic cultures.

Methodology. Random sampling from the empirical base of over 148 printed pages made it possible to extract lexemes with reduced stylistic connotation and negative pragmemes. The semantics of the evaluation of the studied units and their pragmatic task explicate the intention to dysphemize the verbal and nonverbal protocol of the official and unofficial register of communication. By methods of discursive, component, stylistic, quantitative analysis involving logical operations of analysis, synthesis, generalization and abstraction, 240 labeled units were identified and studied: 98 verbal representatives and 142 representatives of nonverbal behavior in the judicial discourse of medieval China.

Results. The identified and investigated linguistic facts and non-verbal stereotypes can have a negative communicative effect and provoke dissonance in intercultural communication. The reaction of rejection of foreign cultural specifics is caused by significant discrepancies in the discursive practice and axiological norms of the contacting cultures: the original Chinese and the host European.

Research implications. The analysis provides the basis for the thesis that pseudodysphemia may be considered as a kind of national transformation of the phenomenon of dysphemia (in its European and American understanding) within the framework of the linguistic and cultural specifics of China of the Tang era.

Keywords: dysphemism, speech strategy, linguoculture, conceptual world picture, linguistic world picture, China of the Tang era, Robert van Gulik

Введение

Вне всякого сомнения, национальный культурно-исторический опыт разных социумов уникален по определению и в связи с этим может представлять в равной степени объект сильного притяжения для носителей других культур и языков и точку отчуждения из-за принципиального различия стереотипов – культурных, аксиологических, вербальных. Постижение иного: иной концептуальной картины мира [1; 2; 3], иной системы ценностей, иной литературы, иного языка, – требует особого внимания к отличительным чертам и некоторой готовности «примерить» иную систему координат к своему привычному миру (миру родной культуры и родного языка) [4]. Отличия могут носить характер частных несовпадений или системной асимметрии – вплоть до полярности.

В настоящей статье мы попытаемся выявить факты уникальной вербальной стереотипии средневекового китайского дискурса судопроизводства и сопоставить маркеры лингвокультуры в инсти-

туциональном дискурсе со стратегией дисфемизации. Не имея доступа к оригинальным материалам судопроизводства заявленного периода китайской истории, используем в качестве основы отраженные в художественной литературе реалии. Эмпирическую базу составляет цикл детективных повестей Роберта ван Гулика о судьбе Ди, а также авторские комментарии к ним, которые в совокупности создают яркую и достаточно достоверную картину судопроизводства (сыска, делопроизводства, административной и исполнительной власти) эпохи Тан. О надёжности и правдоподобности художественной демонстрации свидетельствует указание на информационную базу в комментариях Р. ван Гулика, которую составляют достоверные источники – реальные литературные и исторические памятники культуры эпохи Тан. Отметим также, что в значительной степени достоверность изображаемого в детективах обеспечена фактом существования исторического лица – главного персонажа Р. ван Гулика – гениального сыщика – судьбы Ди. Со-

вокупный объём материалов, подвергнувших анализу, превышает 148 п. л.

Методология и эмпирическая база исследования

Из указанного объёма методом произвольной выборки экстрагированы лексические единицы, отражающие речевые и поведенческие стереотипы судопроизводства, в количественном выражении соответственно 98 и 142 единицы. К таковым относим маркированные лексемы, имеющие отрицательную коннотацию в персонажной и авторской речи. На первый взгляд, таковые единицы могут быть отнесены к дисфемизмам или негативным прагмемам: *ублюдок, шлюха, подлец, нечестивый пёс, собачье отродье, судейский пёс, прихвостни, рывкнуть, бросить на помост, бросить на колени, ничтожный, негодяй, заставить, подвергнуть пытке, визжать от боли, порка, плеть, кнут, тиски, заломить руки за спину, бросить в тюрьму, казнь, отсечь голову, «медленная смерть»* и др.

Дисфемизм трактуется в лексикографических и научных источниках по-разному. Оставляя за рамками краткой статьи эту проблематику, примем за рабочее определение дефиницию О. С. Ахмановой: «троп, состоящий в замене естественного в данном контексте обозначения какого-либо предмета более вульгарным, фамильярным или грубым»¹. Движение вниз по шкале функционально-стилистической окраски в феномене дисфемизации сопряжено с осознанной стратегией продуцента. Эту идею поддерживает определение дисфемизмов в словаре Л. Л. Нелюбина: «такие выражения и обороты, воздействие которых на слушателя (читателя) или аудиторию носит шокирующий, оскорбительный, в ряде случаев унижающий человеческое достоинство характер»². Целевой аспект

дисфемии выдвигается на передний план в определении М. В. Лысяковой: «Дисфемизм – бранное, грубое, просторечное или даже нейтральное (реже с мелиоративной окраской) слово или выражение, употребленное с целью дискредитации адресата или выражения негативной оценки со значением неодобрения, пренебрежения, презрения» [6, с. 52]. Такое понимание дисфемизма смыкается со стратегией дискредитации, тактикой оскорбления [4, с. 160], речевым действием «игры на понижение» (*downplay*) [8], агрессией, маркером конфликтной ситуации и т. д.

Для объективной оценки языковых фактов необходимо провести анализ условий коммуникации, коммуникативных ролей, лингвокультурных стереотипов (вербальных и невербальных).

Обсуждение результатов

Прагмалингвистика (в её функциональном аспекте) требует принимать в расчёт «коммуникативную ситуацию»³, в которой фигурируют анализируемые единицы. Судья и сотрудники суда (чиновники управы) используют маркированную лексику в институциональном дискурсе (в процессе судопроизводства) и в профессиональной коммуникации (в неформальном регистре). Так, обсуждая дело с ближайшими помощниками, судья характеризует подозреваемого как лъстивого развратника⁴, а офицер суда (прямолинейный и откровенный), устав от изворотливости преступника и стремясь помочь судье доказать вину правонарушителя, не стесняется бранной лексики: *Сукин сын!* и недвусмысленной угрозы: *... я выбью из него полное признание*⁵ (см. рис. 1). В докладе судье о проделан-

¹ См.: Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 137

² См.: Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь; 9-е изд., перераб. М.: Флинта: Наука, 2018. С. 48.

³ См.: Миньяр-Белоручев Р. К. Методический словарь. Толковый словарь терминов методики обучения языкам. М.: Стелла, 1996. С. 44.

⁴ Гулик Р. ван. Пейзаж с ивами / пер. с англ. А. Кабанова. СПб.: Амфора, 2001. С. 126. Далее – Пейзаж с ивами.

⁵ Пейзаж с ивами. С. 111.

Рис. 1 / Fig. 1. Неформальный (с судьёй) и официальный (с арестантом) регистр общения офицеров суда / Informal (with the judge) and official (with the prisoner) register of communication of court officers

Источник: Гулик Р. ван. Пейзаж с ивами. СПб: Амфора, 2001. С. 11; Гулик Р. ван. Убийство по-китайски: Лабиринт. М.: Иностранка, 2001. С. 83.

ной розыскной работе этот же помощник судьи Ди прибегает к стилистически сниженной ярко отрицательной лексике: *Эти ублюдки организовали нечто вроде полурелигиозной общины ...*¹. Сам судья использует такие формулы обращения к допрашиваемым как *непристойная женщина, бесстыдная особа*², *дерзкий негодяй, собачья голова, пес*³. Яркий контраст задействованных единиц с обращением к судье, который *для простых людей, все равно что отец и мать*⁴ впечатляет представителей других культур не меньше, чем процессуальные нормы суда.

¹ Пейзаж с ивами. С. 157.

² Гулик Р. ван. Знаменитые дела судьи Ди / пер. с англ. И. И. Мансурова. М: Центрполиграф, 2005. С. 98, 182, 24. Далее – Знаменитые дела судьи Ди.

³ Гулик Р. ван. Убийство по-китайски: Лабиринт / пер. с англ. И. Кормильева. М.: Иностранка, 2001. С. 158, 294. Далее – Убийство по-китайски: Лабиринт.

⁴ Знаменитые дела судьи Ди. С. 182.

Невербальная составляющая лингвокультурной традиции значима не в меньшей степени, чем речевые стереотипы. Она представлена европейским читателям в самом повествовании (авторским текстом) и затекстовыми комментариями (предисловиями и послесловиями автора). Р. ван Гулик вплетает в сюжет повести мировоззренческие представления средневековых жителей Китая о правосудии как высшей справедливости, которая направлена на гармонизацию порядка, нарушенного преступлением. Эта система ценностей может показаться странной представителям других культур.

Национальная концептуализация мира выражена в широте полномочий судьи (как верховного правителя административной единицы – в разных вариантах перевода *кантона, провинции, уезда*), обладающего полной административной, исполнительной и судебной властью. С ним всем следует *разговаривать вежливо*

во, оказывать ему почтение глубокими поклонами и прочими поведенческими стереотипами в любом факте общения (см. рис. 2).

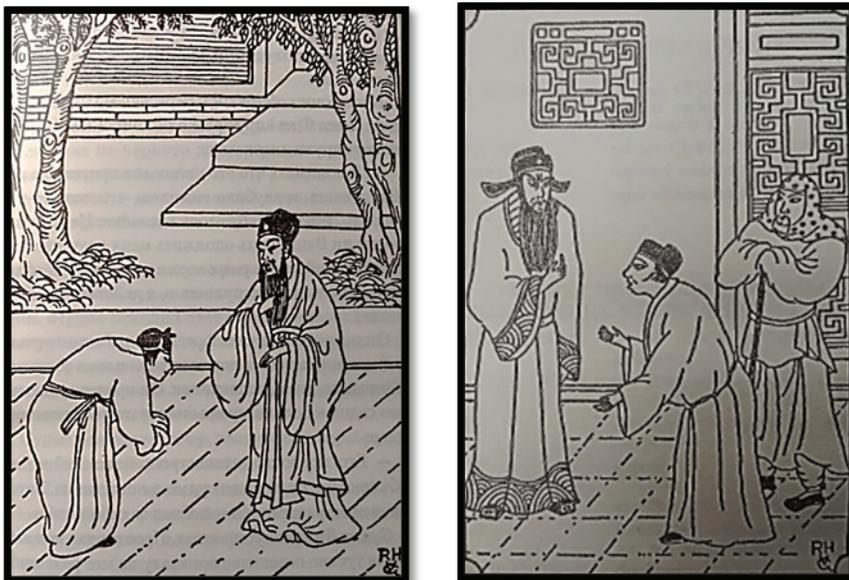

Рис. 2 / Fig. 2. Поведенческий стереотип выражения почтения судье / Behavioral stereotype of paying homage to the judge

Источник: Гулик Р. ван. Убийство в цветочной лодке. СПб.: Амфора, 2001. С. 113; Гулик Р. ван. Убийство на улице Полумесяца. СПб.: Амфора, 2000. С. 91.

Отражением в художественном тексте этого порядка служит описание впечатляющего судебного церемониала¹ допроса свидетелей и (особенно!) подозреваемых и виновных брошенных на колени перед помостом², которых он призван повергать в ужас, а также многочисленные упоминания о суровых правилах судебного следствия и решительных методах, которыми оно пользуется³. Подчиняющиеся правилам незначительная женщина или покорный слуга, ничтожный и т. п., почтительно бьют головой, чтобы приветствовать⁴ судью (см. рис. 3).

Для ожидаемого перлокутивного эффекта в отношении тех, кто бросает вы-

зов законам своей земли, используются допросы с пристрастием⁵ (см. рис. 4): Если вы сейчас же не сознаетесь, я допрошу вас под пыткой! ... Если понадобится, я буду пытать вас весь день⁶. Начальник стражи с помощью кнута может заставить допрашиваемого замолчать, стражники по знаку судьи обрушивают свои дубинки на нарушителей порядка, наносят сорок и более ударов кнутом⁷, а затем дабы привести подсудимого в чувство, льют на него воду ведрами⁸.

¹ См.: Знаменитые дела судьи Ди. С. 98.

² Гулик Р. ван. Убийство в цветочной лодке / пер. с англ. Е. Звягина, Н. Кучеровой. СПб.: Амфора, 2001. С. 202–203. Далее – Убийство в цветочной лодке.

³ Убийство в цветочной лодке. С. 202–203.

⁴ Там же. С. 170.

⁵ Знаменитые дела судьи Ди. С. 182–183.

⁶ Гулик Р. ван. Убийство по-китайски: смертоносные гвозди / пер. с англ. М. Рубинштейн. М.: Иностранка, 2001. С. 158. Далее – Убийство по-китайски: смертоносные гвозди.

⁷ Убийство по-китайски: смертоносные гвозди. С. 158.

⁸ Убийство в цветочной лодке. С. 202–203.

Рис. 3 / Fig. 3. Невербальный протокол судебного разбирательства / Non-verbal protocol of the trial

Источник: Гулик Р. ван. Пейзаж с ивами. СПб.: Амфора, 2001. С. 195; Гулик Р. ван. Убийство в цветочной лодке. СПб: Амфора, 2001. С. 77.

Рис. 4 / Fig. 4. Процессуальная норма допроса «с пристрастием» / Procedural norm of interrogation “with partiality”

Источник: Гулик Р. ван. Убийство по-китайски: смертоносные гвозди. М.: Иностранка, 2001. С. 159.

Сцены пыток достаточно детально описывают процесс и могут шокировать неподготовленную европейскую публику: *Стражники принесли железную сковородку с раскаленными углями и бросили на них несколько футов тонкой цепи. Когда цепь накалилась докрасна, стражники схватили ее щипцами и бросили на пол. Стащив с Шао штаны и, держа его за руки, они опустили его голыми коленями на цепь. Шао пронзительно закричал от боли. Зал суда наполнился запахом горящего мяса. Затем крики Шао перешли в стоны, и он потерял сознание. ... Старший принес чашу уксуса и вылил на тлеющие угли. Один неприятный запах сменился другим. Шао постепенно пришел в себя. Лицо его было совершенно белым, черты искажены¹. Однако, такие крайние меры предупреждают кратные увещевания и воззвания судьи к обвиняемым, а получение признания в содеянном влечёт за собой смягчение: оказание медицинской помощи (судья велит дать сознавшемуся успокоительное и наркотик², поднести несколько чашек крепкого чая³ и т. п.), смягчение наказания (замена «медленной казни» быстрой смертью). Эта судебная практика средневекового Китая требует пояснения автора, которым в комментариях отводится немало места. Они раскрывают европейским читателям инокультурные компоненты изложения и (в значительной степени) компенсируют «инакость контактирующих лингвокультур). В результате этой затекстовой компенсации реципиентам, удалённым от оригинала во времени и пространстве, становится очевидным отсутствие личной агрессии, стратегии дискредитации, тактики «игры на понижение» в институциональном судебном дискурсе Китая эпохи Тан, в его речевом и поведенческом аспекте. Таким образом, правомерным представляется вывод о различиях*

средств лингвистической реализации норм поведения.

Выводы

Завершая обзор судебного вербального и невербального протокола средневековой практики судопроизводства Китая, необходимо дать оценку наблюдаемым языковым фактам. Отвлекаясь от переводческой проблематики (и оставляя степень адекватности межъязыковой передачи на попечение переводчиков), отметим тенденции рецепции обозначенных явлений европейскими читателями и выявим объективное (культуро-нейтральное) понимание проблемы.

1. Прагматический эффект описанных языковых фактов и невербальных стереотипов на современного европейского читателя может быть отрицательным и провоцировать культурный диссонанс. Причиной такого диссонанса мы считаем глубокие расхождения дискурсивной практики и аксиологической нормы контактирующих культур: оригинальной китайской и принимающей европейской. Для коррекции поспешного отторжения инокультуры Р. ван Гулик использует комментарии (предисловия и послесловия), расширяющие представления о концептуальной картине изображаемого мира.

2. Аксиогенная коммуникация, представленная в авторском произведении по мотивам оригинальных исторических и литературных источников средневековой китайской культуры, представляет в инокультурном (европейском) пространстве «лингвистически реализованные нормы поведения» [5].

3. В анализируемом материале не представлена стратегия дисфемии (в её классическом европоцентристском понимании). В употреблении маркированных единиц судьи и его подопечными явлено не намерение оскорбить или унижить достоинство преступника, выразить к нему личностную неприязнь или дискредитировать его в глазах окружающих, т. е. презентировать оценку личности или

¹ Знаменитые дела судьи Ди. С. 248.

² Там же.

³ Убийство по-китайски: Лабиринт. С. 237.

«взломать» социально-этические табу» [7]. Маркированные единицы эмпирической базы отражают лишь стремление восстановить справедливость, вернуть гармонию в мироздание, нарушенную преступлением, т. е. характеризовать происходящее в глазах закона. Речевая стереотипия и невербальный протокол отражают лингвокультурную традицию подчинения высшему порядку, в том числе и подчинение самого судьи инстанции более высокого ранга.

Заключение

В связи с выявленными противоречиями считаем необходимым предложить термин «псевдодисфемия», содержание которого понимаем как асимметрию вербальных и поведенческих стереотипов при межкультурном и межъязыковом взаимодействии, провоцирующую ошибки идентификации нейтральной речевой стратегии как дисфемичной (оскорбления, унижения, дискредитации и т. п.).

Уместно ставить вопрос о дифференциации дисфемии как регрессивной стратегии (инвектива, пейоратива) от речевой лингвокультурной практики как отражения аксиологической системы (системы ценностей) и концептуальной

картины мира. Взаимосвязь языковой и концептуальной картин мира могут изменить традиционное для европейской и американской культур понимание феномена дисфемии. В этом направлении возможен дальнейший научный поиск лингвокультурного своеобразия, взаимосвязи концептуальной и языковой картин мира и дискурсивных практик.

Представленная работа может быть полезна в дальнейших исследованиях межкультурной коммуникации, инокультурных дискурсивных традиций, вербальной и невербальной стереотипии, лингвокультурно детерминированных поведенческих норм. Вклад в теоретические дисциплины языкознания обусловлен началом нового подхода к актуальной проблематике дисфемии и речевой стратегии, расширением терминологического аппарата (представлением нового термина – раскрывающего горизонты предмета и объекта прагмасемантики). В прикладном аспекте материалы и результаты исследования обладают широкой перспективой внедрения в теорию и практику перевода (в частности – произведений художественной литературы).

Дата поступления в редакцию 07.02.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Блох М. Я. Концепт и картина мира в философии языка // *Пространство и время*. 2010. № 1 (1). С. 37–40.
2. Блох М. Я. Проблема понятий концепта и картины мира в философии языка // *Преподаватель XXI век*. 2007. № 1. С. 101–105.
3. Вековищева С. Н., Иванова Н. А., Улиткин И. А. Соотношение понятий «дух народа» и «язык» в работах В. фон Гумбольдта // *Вильгельм фон Гумбольдт и его наследие: классика и современность: материалы Всероссийской заочной научно-практической конференции* (Москва, 20.02.2017 г.). М.: МГОУ, 2017. С. 42–46.
4. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи; 5-е изд. М.: ЛКИ, 2008. 288 с.
5. Карасик В. И. Нормы поведения в языковой картине мира // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика*. 2019. № 4. С. 35–49. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-4-35-49
6. Лысякова М. В., Гаевая А. А. Лексико-грамматические свойства дисфемизмов (на материале политического дискурса) // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семантика. Семантика*. 2018. Т. 9. № 1. С. 50–76. DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-50-76.
7. Темиргазина З. К., Бачурка М. С. Речевые акты агрессивного характера в педагогическом дискурсе // *Жанры речи*. 2017. № 1 (15). С. 51–57. DOI: 10.18500/2311-0740-2017-1-15-51-57.
8. Larson Ch. U. *Persuasion: reception and responsibility*. Belmont: Wadsworth Publishing Company. 1995. 422 p.

REFERENCES

1. Blokh M. Ya. [Concept and the picture of the world in the philosophy of language]. In: *Prostranstvo i vremya* [Space and Time], 2010, no. 1 (1), pp. 37–40.
2. Blokh M. Ya. [The problem of the concepts of the concept and the picture of the world in the philosophy of language]. In: *Prepodavatel' XXI vek* [Lecturer XXI century], 2007, no. 1, pp. 101–105.
3. Vekovishcheva S. N., Ivanova N. A., Ulitkin I. A. [Notions 'National Spirit' and 'Language' in works of Wilhelm von Humboldt]. In: *Vil'gel'm fon Gumbol'dt i yego naslediy: klassika i sovremennost': materialy Vserossiyskoy zaochnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Moskva, 20.02.2017 g.)* [Wilhelm von Humboldt and his legacy: classics and modernity: materials of the All-Russian Correspondence Scientific and Practical Conference (Moscow, February 20, 2017)]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2017, pp. 42–46.
4. Issers O. S. *Kommunikativnyye strategii i taktiki russkoy rechi* [Communication strategies and tactics of Russian speech]. Moscow, LKI Publ., 2008. 288 p.
5. Karasik V. I. [Norms of behaviour in linguistic worldview]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblasnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2019, no. 4, pp. 35–49. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-4-35-49.
6. Lysyakova M. V., Gayevaya A. A. [Lexico-grammatical properties of dysphemisms (on the material of political discourse)]. In: *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics], 2018, vol. 9, no. 1, pp. 50–76. DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-50-76.
7. Temirgazina Z. K., Bachurka M. S. [Speech acts of aggressive character in the pedagogical discourse]. In: *Zhanry rechi* [Speech Genres], 2017, no. 1 (15), pp. 51–57. DOI: 10.18500/2311-0740-2017-1-15-51-57.
8. Larson Ch. U. *Persuasion: reception and responsibility*. Belmont, Wadsworth Publishing Company. 1995. 422 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Филиппова Ирина Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры перевода и когнитивной лингвистики Московского государственного областного университета; e-mail: little_lion06@mail.ru

Веквищева Светлана Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой восточных языков Московского государственного областного университета; e-mail: vekovishcheva_sn@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Irina N. Filippova – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Prof., Department of the Translation Studies and Cognitive Linguistics, Moscow Region State University; e-mail: little_lion06@mail.ru

Svetlana N. Vekovishcheva – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Departmental Head, Department of Eastern Languages, Moscow Region State University; e-mail: vekovishcheva_sn@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Филиппова И. Н., Веквищева С. Н. Псевдодисфемия судебного дискурса средневекового Китая в зеркале литературы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 3. С. 104–112.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-3-104-112

FOR CITATION

Filippova I. N., Vekovishcheva S. N. Pseudodisphemy of the judicial discourse of Medieval China in fiction. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2022, no. 3, pp. 104–112.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-3-104-112